

ГАЛЛЯМОВА Рита Занифовна

Ассистент кафедры общей и экономической истории
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-12
e-mail: yanvarita@mail.ru

СТОЖКО Константин Петрович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12
e-mail: kostskp@mail.ru

Феномен социальной ответственности современного предпринимателя: структура и содержание

Ключевые слова: социальная ответственность; достоинство; жертвенность; дополняемость; транспарентность; операциональность; целеполагание; психологизация.

Рассматриваются вопросы формирования социальной ответственности субъектов предпринимательской деятельности в условиях институциональных трансформаций. Структура, характер и особенности социальной ответственности раскрываются в контексте российской социально-философской традиции.

Каждая новая ступень в развитии общества порождает свои проблемы, противоречия и кризисные ситуации, разрешение которых требует новых подходов. Информационное общество в условиях постиндустриального развития выдвигает на передний план социокультурные вопросы. Творческий акт и личная ответственность начинают играть решающую роль в преодолении одиночества, личностной заброшенности, отверженности.

Для актуализации личной социальной ответственности в рамках творческого акта как созидания *себя в себе* и *себя в мире* все большее значение приобретают следующие свойства личности:

- 1) способность отличать главное от второстепенного;
- 2) умение четко представлять и формулировать интересы каждого человека;
- 3) стремление опираться на собственные силы;
- 4) способность рисковать (измерять и определять риски);
- 5) умение обрабатывать информацию;
- 6) эмоциональная зрелость и устойчивость, опора на высшие эмоционально-ценностные установки и нормы;
- 7) умение подходить к проблеме с разных точек зрения;
- 8) готовность к переменам (антикризисный подход, предусмотрительность);
- 9) реалистичность (адекватное восприятие действительности);
- 10) наблюдательность;
- 11) стремление выйти из проблемной ситуации, увидеть ее в контексте более крупной совокупности явлений;

- 12) взаимопонимание;
- 13) дальновидность (понимание логики и перспектив развития);
- 14) умение извлекать положительный опыт из происходящего (в том числе из ошибок);
- 15) оптимизм;
- 16) критическое отношение к самому себе [1. С. 105–110].

Это далеко не полный перечень личностных свойств, опосредующий процесс формирования социальной ответственности субъекта предпринимательской деятельности. Кроме того, когда мы начинаем рассуждать о совпадении или несовпадении тех или иных проявлений социальной ответственности (безответственности) личности, о транспарентности хотя бы названных выше свойств личности, то обнаруживается, что существуют: а) несовместимость и несовпадения различных свойств личности; б) некая разница понятий «совпадение» и «совместимость». Более того, совместимость может быть полной и частичной, в связи с чем совпадение правомерно, на наш взгляд, рассматривать как проявление полной совместимости. Частичная совместимость характеризуется не совпадением (идентичностью) характеристик (свойств) предмета, а их взаимной дополняемостью. Собственно говоря, именно поэтому общая тенденция в развитии феномена социальной ответственности личности сегодня связан с практикой делегирования полномочий сверху вниз и передачи ряда функций от одного человека другому. С одной стороны, это свидетельствует о продолжающемся процессе дифференциации и общественного разделения в процессе деятельности, а с другой – является доказательством нарастающего иждивенчества и несамостоятельности личности. Люди не просто привыкли, что ими управляют (направляют, нацеливают, мотивируют, контролируют и т. д.). Современный человек перестал ответственно стремиться к самостоятельности, к самоуправлению, к самореализации. А ведь в контексте развития личностного самоуправления такая «иждивенческая» эволюция индивида оказывается невозможной, поскольку субъект и объект самоуправления, как известно, совпадают в одном лице, т. е. оказываются полностью идентичными (интерсубъектными) [2. С. 11–12].

Если использовать фундаментальный принцип взаимной дополняемости (Н. Бор), то можно обнаружить процессуальный характер феномена социальной ответственности личности, которая отнюдь не есть омертвленное (статичное) равновесие между интересами, ценностями самой личности и общества. Такое равновесие динамично, т. е. выступает как процесс постоянного согласования интересов личности и общества, регулярной их верификации, переоценки ценностных координат, в рамках которых такое согласование происходит. Социальная ответственность субъекта деятельности не сводится к его ответственности за свои поступки, она гораздо шире и глубже, поскольку включает в себя, кроме этого, априорный момент согласования чувства ценности и суждений о ценности, понимания интересов и потребностей. Уяснение мотивационной стороны действия, предваряющей само действие, есть неременное условие адекватного понимания социальной ответственности личности.

Как справедливо отмечал И. И. Лапшин, личность стремится к самоутверждению через свои поступки и ей свойственно поступать таким образом, чтобы осуществлять такое самоутверждение. Из этого не следует, что личность изначально находится в антагонистическом противостоянии с обществом, а ее логический акт утверждения («да, это так, это соответствует моим интересам» и т. д.) должен выводиться из аппетивных реакций, а логический акт отрицания («нет, это не так, это – не для меня» и т. д.) – из репульсивных реакций. Критикуя немецкого философа и исследователя культуры Г. Шнейдера за фактическое сведение чувства ценности к суждению о ценности, а суждения о ценности к самопроизвольному целеполаганию, русский философ обращает внимание на имеющееся противоречие между аффективными и эффетивными

наклонностями личности. Возражая против психологизации вопроса о творческих (субъектных) способностях личности, И. И. Лапшин полагает, что субъектные свойства должны быть направлены на то, чтобы быть «... достойным членом всечеловеческого братства» [3. С. 199–201].

Итак, мы сталкиваемся с еще одним аспектом интерпретации личной социальной ответственности – личным *достоинством*. В работах С. Л. Франка, И. А. Ильина, И. И. Лапшина и ряда других отечественных исследователей личное достоинство рассматривается как соответствие личности как субъективной реальности некоей сверхличностной (духовной) объективной реальности. Но и здесь творческий акт личности необходим: нужно сначала освоить духовную объективную реальность, затем перевести ее в субъективную операциональность, и, наконец, ее актуализировать в предметном бытии, т. е. воплотить в деятельности. И здесь проблема совпадения, совместимости различных характеристик личности, ее свойств и способностей становится ключевой.

Таким образом, смысл понятия «совпадение» (принципов, форм, способов социального действия личности и общества) неразрывно связан с категорией «достоинство». Быть социально ответственным означает быть достойным членом общества. В категории «достоинство» обращает на себя внимание структура термина: *до-стояние, до-стоять*. Приставка *до* и указывает на изначально априорную природу социальной ответственности личности, которую нельзя отождествлять с какой-либо санкцией (наказанием или вознаграждением). В связи с этим уместно предположить ее альтруистическую (бескорыстную) природу. Если мы примем такое допущение (как настаивал И. А. Ильин), то становится очевидной социально-онтологическая разница между социальной ответственностью личности, осуществляющей творческий акт, и личностью, руководствующейся при осуществлении творческого акта мотивами корысти и эгоизма. Социальная ответственность личности субъектов деятельности может (и должна) регламентироваться нормами права (административного, гражданского, уголовного и т. п.). Но возникает закономерный вопрос о том, каким образом регламентировать социальную ответственность личности, если по своей природе она альтруистична? Вряд ли можно отрицать само допущение об альтруистической природе реальной социальной ответственности личности только на том основании, что все наши суждения (в том числе о ценности) имеют некую логическую принудительность, а наш собственный интерес будто бы для нас первичен («своя рубашка ближе к телу»). Но точно так же было бы преждевременным выведение альтруистической природы феномена личной социальной ответственности из морали, которая, как известно, является продуктом исторического развития общества и потому, по отношению к личности, выступает как нечто внешнее, опять-таки логически принуждающее.

Здесь мы вновь возвращаемся к понятию «совместимость». Сам смысл данного понятия указывает на совместный характер регламентации, о которой шла речь выше. Регламентировать социальную ответственность линейно, сверху – вниз объективно бесперспективно, поскольку при таком характере регламентации снимается (точнее было бы сказать, загоняется вглубь) проблема совместимости (интересов и ценностей личности и общества). Такой подход постоянно содержит угрозу конфликта, что и происходит на поверхности социальных отношений. Когда при социальных бифуркациях разрушаются доверие, взаимопонимание, сопричастность, происходит аберрация ценностных ориентаций личности, когда понятия «патриотизм», «авторитет власти», «дисциплина» перестают быть ценностными понятиями (установками). В одних случаях такая аберрация носит спонтанный характер, в других – перманентный. Не следует забывать о том, что именно соответствие целей и способов действий личности, общества и власти является основополагающим условием для развития реальной и формальной социальной ответственности, что «...духовное не может быть сведено к тривиальным

проявлениям сознания во всем диапазоне его функционирования» [4. С. 36]. Иначе говоря, стремление формировать личную социальную ответственность путем придания максимально общественного характера творческому акту (например, правовому творчеству) не является гарантией достижения поставленной цели.

Есть и другой уровень формирования социальной ответственности личности – межличностное взаимодействие. Здесь также постоянно обнаруживается несовпадение целей и средств их достижения, которые использует каждая из сторон социального взаимодействия. Классическими примерами стали ситуации, когда мать пытается успокоить больно ударившегося ребенка, предлагая ему жвачку или леденец, или более сложные случаи, когда делегированные сотрудникам права не совпадают с перечнем обязательств (рассматриваемых порой как синоним их персональной ответственности), установленных ранее за них и до них. Все это звенья одной цепи, проявления деформации межличностных коммуникаций. И здесь возникают обоснованные сомнения в правомерности применения известного закона экономии к сфере социального взаимодействия. Данный закон, основные версии которого разрабатывали еще Ф. Бэкон, Дж. Локк, Д. Юм и др., приобрел гипертрофированное значение в отношении формирования основных правил социального взаимодействия между людьми. Требование достигать наибольших результатов при наименьших затратах оказывается лишь количественной характеристикой социальных процессов, ничего не говорящей нам об их качестве. Аристотелевская идея о том, что смысл жизни состоит в счастье дарения, а не в эгоизме присвоения, в значительной степени девальвируется столь рационализированным подходом к организации межличностного взаимодействия. Здесь мы вновь сталкиваемся с понятием «достоинство». Социально ответственный характер межличностных отношений неразрывно связан с достоинством каждой личности. Собственно говоря, достоинство представляет собой тот идеальный рубеж личностной автономности и даже свободы личности, нарушение которого опасно для самой социальной ответственности. Однако следует помнить, что бывает положительная и отрицательная свобода, равно как формальная и неформальная свобода. «Ошибка некоторых мыслителей станет ясной, если различить понятие формальной свободы и положительной материальной свободы», – указывал Н. О. Лосский. Считая, что люди, обособляющиеся друг от друга посредством эгоизма, обладают «...пониженной положительной свободой и ограниченной свободой действий», русский философ справедливо ставил вопрос о мере личной свободы в зависимости от способности личности к раскаянию, а само раскаяние определял как проявление личной ответственности. Называя раскаяние санкцией высшего нравственного закона, он полагал что все бедствия, переживаемые людьми, есть не внешние наказания, насылаемые на них, а выражение и следствие их нравственного несовершенства.

Большое значение в формировании социальной ответственности для личности имеет взвешенное (адекватное) отношение как к самому себе, так и к объекту (субъекту) своего социального (взаимо) действия. Точно так же, как абсолютизация объективной стороны межличностных отношений может привести к нравственным извращениям, к ним может привести и абсолютизация их субъективной стороны. Нравственное значение поступка определяется не только субъективными актами, но и тем, на что они направлены. Чрезмерная забота о самом себе порождает фарисейство. «Оно состоит в том, что человек делает „добро ради добра“, а не из живой любви к человеку; он сосредотачивает внимание не столько на любимом или вызывающим сострадание существе, сколько на том, чтобы я был „добр“, „праведен“, „справедлив“ [5. С. 127]. Полемизируя с М. Шелером, Н. О. Лосский справедливо полагал, что правило «поступай так, чтобы ты мог уважать себя» отнюдь не тождественно правилу «относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе». В первом случае речь идет о самоуважении, т. е. признании собственного достоинства, во втором – об элементарном

расчете (приобретении имиджа, статуса, авторитета). Однако самоуважение может войти в противоречие с уважением – отношением к тебе со стороны окружающих. Оказывается, поступать таким образом, чтобы иметь возможность самооправдаться в собственных глазах, вовсе не есть достоинство как таковое. Сотворив подлость, человек все равно пытается оправдать свои действия: то его «бес попутал», то он «не знал чего-то». Желая, чтобы мыслимый нами образ самих себя был для нас всегда хорош, некоторые впадают в фарисейство. Смысл этого явления заключен в тотальном эгоцентризме. Не случайно Христос изгнал фарисеев, ибо с позиций христианской морали Бог должен быть внутри человека, а не вне него. Можно строить храмы из каррарского мрамора или страстно проповедовать Закон Божий, но оставаться фарисеем, т. е. социально безответственным человеком. Точно так же можно декларировать цели построения Царства Божьего на земле, понимая, что оно есть лишь на небесах: это и есть духовно и социально безответственное отношение.

В связи с этими рассуждениями о достоинстве личности (как основе формирования ее социальной ответственной) возникает вопрос: что происходит с личностью в условиях жертвенности, когда личность абсолютизирует объект своей социальной связи, когда она полностью отказывается от самой себя ради ближнего?

Прежние представления о забвении своего «Я» как проявлении альтруизма, на наш взгляд, несостоятельны. Альтруизм вовсе не есть жертвенное отношение, он не тождествен фанатизму. Бескорыстие, лежащее в основе альтруистического поведения, означает лишь то, что человек не желает собственного благополучия в ущерб и за счет других. Но он, будучи вменяемым существом, существом социально ответственным, не может (и не должен) отказываться от своего «Я» ради «Ты», «Они», «Мы». Социальная ответственность предполагает желание и умение личности разрешать (устранять) возникающие между «Я» и «Ты», «Мы» и «Они» противоречия к общей (а не односторонней) пользе для всех. Именно в таком («обобщившем») разрешении проблемы состоит функция социальной ответственности. Прав был Д.И. Менделеев, когда говорил: «У научного изучения предметов две конечные цели: предвидение и польза» [6. С. 449].

Основным предикатом достоинства личности является ее нравственный суверенитет. Это означает, что личность должна быть в состоянии самостоятельно и ответственно делать моральный выбор, выбирать ценностные ориентиры, формулировать их в качестве мотивов собственного поведения. И хотя одной духовной любви и благих пожеланий (намерений) явно недостаточно, именно духовная доминанта есть главная основа для развития всего: самой личности, ее способности к осуществлению творческого акта и ее социальной ответственности. «Достоинство поступка монашья Бьенвеню состояло в любовном видении чужой души и открытии способа преобразить ее. Здесь прозорливость святого человека, отказ от своих прав, вся совокупность субъективных актов не может быть ни описана, ни помышлена без тех объективных содержания и ценностей, на которые она направлена», – указывал Н. О. Лосский.

Особую роль в формировании социальной ответственности личности предпринимателя играет свобода личности, т. е. личная автономность, обусловленная ее духовным развитием. «Ответственность человека не только за мотивы своего поведения, но и за объективное содержание поступка, за осуществление его и следствия его можно обосновать еще и следующим образом. Нравственная ответственность возможна лишь в том случае, если существует свобода действия; отвечать можно только за то, что находится в моей власти» [5]. Свободу воли и свободу действий Н. О. Лосский правомерно различал: «Свобода воли состоит в том, что „Я“ есть творческий источник своих хотений и решений, не вынуждаемый необходимо к проявлению их ни внешними условиями, ни даже своим эмпирическим характером. Совсем иной характер имеет свобода действия: она существует там, где возникшее хотение и решение не встречают

препятствия для своего осуществления. Очень часто эти препятствия обусловлены обстоятельствами, лежащими вне моей власти; в таких случаях я, лишенный свободы действия, не ответственен за неисполнения своего доброго хотения» [5].

В контексте этих рассуждений возникает вопрос: будет ли человек, руководствующийся добрыми намерениями, но нарушающий закон, установленный без его участия, ответственен: а) за такое нарушение; б) по существу? С правовой точки зрения – да, с точки зрения духовно-нравственной и социальной ответ может быть дан в зависимости от того, какой именно закон он нарушил, в какой степени нарушенный им закон соответствует субъективным его ценностям и объективным его интересам, равно как и ценностям и интересам других людей. Дело в том, что предметность закона и его форма – понятия различные. Предметность закона состоит в общественном признании личности, ее интересов и ценностей. Форма же закона может быть не только абстрактной, но и весьма противоречивой. Отсюда следует, что, с одной стороны, социальная ответственность личности предпринимателя есть ее способность осуществлять творческий акт по эффективному проецированию своих ценностей и интересов в мир своего бытия. С другой стороны, социальная ответственность – это также восприятие и усвоение ценностей и интересов внешнего мира посредством «работы со смыслами» (В. С. Соловьев). Для этого предприниматель сам должен желать и уметь преодолевать угрозы духовного и социального отчуждения и социального партнерства, оставаться активным участником системы социального взаимодействия.

Источники

1. Спивак В. А. Корпоративная культура: теория и практика. СПб. : Питер, 2001.
2. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество / К. П. Стожко, О. В. Тарасова, А. Е. Новожилов, Н. Н. Маяков. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.
3. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М. : Республика, 1999.
4. Ветошкин А. П., Стожко К. П. Философия экономики. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2001.
5. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991.
6. Менделеев Д. И. Границ познанного предвидеть невозможно : сб. М. : Сов. Россия, 1991.